

Моск. комсомолец,
1982, 10 янв.

Глеб ПАНФИЛОВ:

«ВЕЧНАЯ НОВИЗНА КЛАССИКИ»

В фильмах Глеба Панфилова женские образы всегда занимают особое место.

Новая его работа будет экранизацией классики — горьковская «Васса Железнова».

Что общего у этого фильма с предшествующими работами режиссера? С этого вопроса начинается интервью с режиссером.

Надеюсь, что в определенном смысле фильм станет продолжением разговора о судьбе русской женщины. Татьяна Теткина, Паша Строганова, Елизавета Уварова, Саша Николаева, Анна, Валентина, Зинаида в экранизации Вампилова, Васса Железнова — все они живут в разное время, действуют в разных исторических обстоятельствах, но тем не менее мне видится и нечто объединяющее их. Это — значительность их натуры, значительность их участия в жизни. Как из этих женщин, разных по возрасту, по социальному положению выпала нелегкая ноша, и каждая с достоинством, терпеливо несет ее. В этом я вижу что-то важное для нас сегодня, поучительное, касающееся очень существенных сторон жизни.

К Вассе Железновой невольно испытываешь сложные чувства. Даже революционерка Рашель восхищается ее умом, силой, способностью ненавидеть и трудиться, восхищается и в то же время сострадает ей, видя ее «слепоту», неспособность взглянуть на жизнь шире, выйти за круг своих привычных повседневных забот, понять, что не только она — вся старая Россия сейчас на пороге великого потрясения.

Действительно, Васса — человек незаурядный, достойный и сострадания, и уважения, и самого пристального интереса. У нее многому можно поучиться — мужеству и человечности, способности до конца отдавать себя делу, пусть даже она его не любит, а занимается им лишь по необходимости. Просто ей не на кого положиться, она знает, что если не возьмет дело в свои руки, все рухнет, и ей, и детям, и внукам ее придется пойти по миру. Если бы силу, энергию, незаурядный ум и знание жизни Вассы Железновой посвятить большой общественной цели, как много она могла бы сделать!

Историческая драма Вассы Железновой в том, что она родилась не в то время, не сумела распознать, за кем будущее. Это в горьковской пьесе кажется нам главным, но эта мысль отчетливо выявляется лишь в столкновении Вассы с Рашелью. Вот почему мы остановились на втором варианте пьесы: через ее полемику с Вассой лучше и глубже можно рассмотреть характер героини.

Впрочем, здесь же таится и главная опасность. В сделанной в 50-е годы экранизации Леонида Лукова рядом с превосходной Пашенной — Вассой Рашель выглядела резонером, отчего образ ее терял и обаяние, и убедительность.

Наверное, Рашель прекрасно могла бы сыграть молодая Белла Ахмадулина. В ее облике есть тот же сплав человеческих качеств, который для этой роли нужен, — талантливость, восторженность, пронзительность, незащищенность, сила, слабость, хрупкость, возвышенность идеализма.

Васса прекрасно понимает, что Рашель ее классовый враг, но по-человечески находится под ее обаянием, очень любит ее. Они вообще симпатизируют друг другу, друг к другу тянутся. Но как только дело выходит за рамки их личных отношений, неизбежен конфликт. Когда речь касается народа, отношения к семье, смысла и цели труда, они непримиримы противники, при всем том, что генетически это натуры совместимые, они могли бы жить не только в согласии, но и в дружбе. То есть за их столкновением угадывается гораздо более сложный пласт — классовая борьба, революция, грядущая историческая ломка.

Горький написал первый вариант пьесы в 1910 году: этим годом можно и датировать время действия. Но мне кажется допустимым чуть сдвинуть дату — взять не 1910-й, а 1913 год — год наивысшего экономического подъема капиталистической России, время торгово-промышленно-финансового бума накануне мировой войны. Это позволит обострить конфликт пьесы, четче прочертить ее главные мысли. Ведь это было время не только подъема капитализма, но одновременно и активизации рабочего движения. Ленские расстрелы 1912 года дали новый толчок революционной борьбе. По заданию Владимира Ильича Ленина из эмиграции в Россию едут революционеры-подпольщики налаживать работу в массах. Одной из таких приехавших могла быть и Рашель — ее

образ очень точно вписывается в эту историческую обстановку.

А как оппонента Рашели мы хотим показать не темную злобную купчиху, каких играют в пьесах Островского, но женщину достаточно образованную, компетентную в своем деле. Нам кажется очень важным, что Васса — купчиха не первого поколения. Она уже достаточно воспользовалась теми выгодами, которые дал ей капитал: кончила гимназию, владеет языком. Унаследованное богатство она прибила и умножила — живет в хорошем доме, со вкусом обставленном, украшенном хорошими картинами. Чем более сильным, умным, передовым, естественно, в рамках своего класса, противником в споре будет экранная Васса, тем более глубокий смысл, мне кажется, будет прочитываться за их столкновением, тем более явственно откроется за ее судьбой ощущение неотвратимой катастрофы.

Мне думается, что такое противоречие пьесы будет вызывать в зрительном зале те токи ассоциаций, мыслей, живого немужейного интереса, без которого нет смысла и ставить классические произведения. Ведь классика — это то, что всегда живо.

— Как будет соотноситься ваш фильм с традицией постановок «Вассы Железновой» в кино и театре?

— Классические произведения вообще очень опасно делать, потому что так или иначе посягаешь на устоявшиеся, традиционные представления. Но в то же время я хочу подчеркнуть, что разрушается лишь традиционное представление, а не традиция — на традицию ты опираешься. Даже если задаться сознательной целью уйти от традиции, это не получится. Ты на этой традиции воспитан, от этого уйти нельзя.

Каждое поколение, обращаясь к произведениям классическим, объективно, невольно, я подчеркиваю — объективно, обновляет их по своему, сообразно своим понятиям, вкусам, представлениям.

Нарушая традицию, ты все равно ею питаешься, желая ей следовать, ты все равно ее невольно разрушаешь, ибо ты принадлежишь уже к другому поколению. Ты воспитан иным временем. Ты органически не можешь представлять, видеть, чувствовать какие-то известные положения классической вещи так, как представлялись, виделись, чувствовались они двадцать или пятьдесят лет назад. Такова диалектика. Это единый процесс обновления — разрушение и созидание, созидание и разрушение во имя нового созидания.

Наверное, кто-то из будущих зрителей нашей «Вассы Железновой» скажет, что я отступил от традиции, что у Горького все иначе, что снимать надо было совсем не так. А потом, наверное, пройдет десяток, другой лет, и фильм будут упрекать в обратном — в традиционности.

А пока, конечно, все обстоит достаточно сложно. Уже сам выбор Инны Чуриковой на роль Вассы — нарушение привычного стереотипа. Традиция сегодня — это Вера Пашенная, которой, кстати, было уже далеко за шестьдесят, когда она сыграла Вассу, но силой своего огромного таланта она убедила всех, что Васса именно такова. А между тем героине горьковской пьесы всего сорок два и, как сказано у автора, «на вид молоде». Но когда зритель увидит в этой роли вместо Пашенной Чурикову, которой надо будет играть возраст, то наверняка начнутся возражения: как это так! Откуда это? От автора. Даже такой очевидный вопрос, как возраст Вассы, уже ведет к разрушению привычного стереотипа, а это вопрос далеко не единственный.

Короче, если фильм будет поставлен, ощущение от него, надеюсь, будет новое и свежее. Это будет и горьковская вещь, и в то же время как бы новая. Оставаясь верными мысли и духу горьковской пьесы, мы должны по-новому ее осмыслить и воплотить.

Драматургия Горького по силе, по масштабу страстей видится мне родственной драматургии шекспировской. И если, реализуя ее, не упрощать, не сглаживать человеческих отношений, не спрямлять конфликтных углов, могут получаться вещи значительные.

Беседовал А. ЛИПКОВ.